УДК 34.01
DOI 10.25688/2076-9113.2021.41.1.01

А. А. Дорская,
А. Ю. Дорский

Проблема эффективности правового регулирования в период проведения Судебной реформы 1864 года (на примере деятельности министерства юстиции)[1]

В статье анализируется деятельность министерства юстиции Российской империи в 1864–1899 годах, направленная на повышение эффективности правового регулирования отношений в судебной сфере. Показано, как путем издания подзаконных актов были решены многие вопросы организации судебной деятельности.

Ключевые слова: эффективность правового регулирования; Судебная реформа; министерство юстиции; подзаконные акты; юридические кадры.

Вопрос об эффективности правового регулирования всегда стоит на повестке дня. Однако особое значение он приобретает в период проведения широкомасштабных реформ, когда, с одной стороны, необходимо ввести новые правовые нормы, обязательно вызывающие сопротивление у части общества либо в силу того, что затрагиваются их интересы, либо просто в результате инерции и нежелания перестраиваться, а с другой — постоянно контролировать ситуацию, корректируя направления реформирования в зависимости от первых итогов и реакции на них.

В этой связи интересно обратиться к опыту проведения Судебной реформы 1864 года как одной из наиболее успешных и эффективных за всю историю Российского государства. Проблема эффективности правового регулирования и преодоления кризисных явлений в праве данного периода может быть

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

© Дорская А. А., Дорский А. Ю., 2021

рассмотрена на примере деятельности министерства юстиции, которая и современниками, и последующими исследователями оценивалась совершенно по-разному.

Министерство юстиции вплоть до 1864 года не являлось основным разработчиком положений реформирования судоустройства и судопроизводства в России, что имело как свои плюсы, так и свои минусы.

Позитивным было то, что сотрудники министерства, занимаясь в основном редакционной работой в отношении проектов Судебных уставов, имели возможность непредвзято относиться к нормативно-правовым текстам, корректируя их и предлагая более выверенные юридические формулировки. Кроме того, это позволяло министерству юстиции разрабатывать проекты подзаконных актов, которые должны были конкретизировать многие положения Судебных уставов и помогать в проведении реформы уже на ее первом этапе.

С другой стороны, министерство как бы оказывалось зависимым от иных многочисленных государственных органов, задействованных в подготовке Судебных уставов, должно было постоянно сглаживать противоречия, проявлявшиеся по ходу разработки нормативно-правовой базы будущей реформы. Однако привлечение в министерство юстиции в 1862 году таких профессионалов, как Д. Н. Замятнин, Н. И. Стояновский и других, даже эти издержки в целом превращало в плюс, так как способствовало выработке того компромиссного варианта, который устроил бы все слои российского общества.

Санкт-Петербургский окружной суд начал работу 17 апреля 1866 года. Этот день министр юстиции Д. Н. Замятнин называл счастливейшим днем своей жизни. Теперь во многом от его министерства зависело, как будут работать новые суды, и на повестке дня стояли новые задачи.

Именно министерству юстиции принадлежала роль в подведении первых промежуточных итогов проведения Судебной реформы.

Министерство неожиданно столкнулось с возбуждением огромного числа малозначительных уголовных дел и гражданских исков. Так, например, в своем отчете за 1866 год Д. Н. Замятнин отметил, что со времени открытия мировых судов в них было возбуждено громадное число таких уголовных дел и гражданских исков, которые по своей малоценности или по отсутствию у истцов формальных доказательств в прежних судах вовсе не возникали [9, с. 207–208]. Это был один из непредвиденных результатов Судебной реформы, на который необходимо было отреагировать.

Министерство юстиции стало проводить мониторинги.

Например, был издан циркуляр № 7710, обязывавший губернских прокуроров предоставлять информацию о кадрах судебных органов, численности населения на подведомственной территории, его сословном и вероисповедном составе, уровне образования и развитости коммуникации [1, с. 866]. Таким образом проводился предварительный мониторинг для оценки ситуации.

Однако затем министерство стало использовать последующий мониторинг в форме обобщения отчетов должностных лиц судебных органов о пробелах

и недочетах в нормативно-правовой базе, о делах, вызвавших общественный резонанс, о деятельности присяжных и частных поверенных, об отношении местного населения к суду.

По результатам анализа мониторингов министерство юстиции формулировало предложения по усовершенствованию законодательства о судоустройстве и судопроизводстве, об улучшении материального положения работников судебной сферы.

В Полном собрании законов Российской империи содержатся многочисленные Высочайше утвержденные мнения Государственного совета, которые были приняты по представлению министерства юстиции, об увеличении окладов прежде всего членам окружных судов в провинции и мировых судов. Например, в 1874 году такое решение было принято в отношении девяти западных губерний, где судьям было особенно тяжело работать в связи с многонациональностью и многоконфессиональностью населения и не всегда простой политической ситуацией [4].

Большое значение имели подготовленные министерством юстиции Временные правила о применении Судебных уставов в отдельных губерниях или в отношении определенных народов.

Так, были созданы Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири [2], в которых были расписаны штат и деятельность окружных судов по Иркутскому судебному округу и определена подсудность дел кочевых народов Сибири и «бродячих инородцев».

Необходимо отметить, что министерство юстиции достаточно быстро добилось неплохих результатов по повышению образовательного уровня судейского корпуса. Уже в 1866 году 821 специалист из 1598, назначенных министерством юстиции в судебное ведомство, имел высшее образование [1, с. 866].

Благодаря предложениям министерства юстиции в сторону демократизации изменилась процедура разрешения уголовных дел. Например, с подсудимых стали брать подписку, что к ним не применялся допрос с пристрастием. Подсудимые и их представители получили возможность знакомиться с материалами уголовных дел, а также участвовать в исследовании доказательств.

Министерство юстиции способствовало тому, что судебные процессы стали не только широко освещаться в печати, но по ним разгорались нешуточные дискуссии. За неделю до рассмотрения дела суды обязаны были опубликовать информацию о дате и времени начала нового судебного процесса.

Для представителей различных сословий стало считаться хорошим тоном посещение судебных заседаний [14, с. 87]. В этом смысле очень помогала работа, проведенная министерством в 1864–1866 годах по обеспечению материально-технической базы судов, так как судебные помещения должны быть вместительными. Так, А. Ф. Кони описывал, как, будучи молодым человеком, посещал заседания у мирового судьи Тизделя на Стремянной улице в Санкт-Петербурге и как однажды убедился в том, что публика может способствовать нормальному проведению процесса. Когда мировой судья не смог объяснить

обвинявшейся в нарушении санитарных правил француженке суть решения, он обратился к присутствующим за переводом и получил необходимую помощь.

Таким образом, в первые два года проведения Судебной реформы 1864 года министерство юстиции Российской империи внесло большой вклад в то, чтобы правовое регулирование отношений в судебной сфере стало эффективным. Этому способствовало и проведение мониторингов, и дальновидная кадровая политика, направленная на привлечение в судебное ведомство юридических кадров, способных понять и реализовать замысел законодателей, и широкое информирование общественности о происходящих изменениях, что делало положения Судебных уставов 1864 года реально работающими, и т. д.

Однако изменения политического климата в стране, вызванные и возрастанием уровня трансгрессии общества, живущего в условиях постоянного реформирования, и распространением террористических организаций, и определенной усталостью от реформ и разочарованием в их отдельных результатах, повлияли на основные направления деятельности министерства юстиции. Большую роль здесь сыграли и кадровые перестановки, произошедшие в министерстве по очевидной причине: новые задачи требовали смены сложившейся команды.

Отставка Д. Н. Замятнина с поста министра юстиции состоялась 16 апреля 1867 года. Новым министром юстиции стал С. Н. Урусов, а товарищем министра юстиции назначили псковского губернатора К. И. Палена.

Однако уже осенью того же года последовали новые перестановки. Константин Иванович Пален стал министром юстиции 15 октября 1867 года и оставался на этом посту вплоть до 30 мая 1878 года. Именно на данное время приходится нарастание охранительных тенденций в деятельности вверенного ему министерства.

С 1867 года в количественном отношении стали преобладать судоустройственные акты, способствовавшие усилению присутствия органов исполнительной власти в судебной деятельности, расширению контроля за магистратурой.

Наиболее существенный урон власть нанесла принципу несменяемости судей. По мнению отцов Судебной реформы, он являлся одной из основных гарантий независимости судей и подчинения их только закону.

Наступление на принцип началось в 1867 году, почти сразу же после начала функционирования новых судебных установлений.

Сначала министр юстиции граф К. И. Пален добился права назначать исполняющих должность судебных следователей, не обладавших привилегией несменяемости. Официальным мотивом было недостаточное число подготовленных лиц. Однако и тогда, когда число юристов достигло значительной отметки, эта практика продолжалась и оставалась доминирующей.

Нарастание в 1870-е годы террористической угрозы, деятельность народнических организаций привели к тому, что была создана комиссия под руководством обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената Э. В. Фриша, в которую вошли представители министерства

юстиции, министерства внутренних дел, корпуса жандармов, а также Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В результате ее деятельности Государственный совет согласился с мнением, представленным министром юстиции К. И. Паленом, и 4 июня 1874 года был принят закон о пересмотре статей уложения, касавшихся противозаконных сообществ [5]. Были изменены статьи 250 и 318 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1866 года) [1]. Наказание за участие в таких организациях зависело от того, ставилась ли ими цель организовать бунт, подготовить террористический акт, противодействовать распоряжениям правительства и т. д.

Затем в 1877 году последовали организационные изменения в Правительствующем сенате — было учреждено Соединенное присутствие Первого и Кассационных департаментов. Теперь оно могло рассматривать дела о злоупотреблениях по службе и проступках судей, прокуроров и следователей.

Такое положение дел являлось нарушением принципа самостоятельности судебной власти. Получалось, что отныне дела в отношении судей должны были рассматривать представители как судебных, так и исполнительных органов.

Очень трудным для министерства юстиции был 1878 год, когда сначала Правительствующий сенат вынес 23 января приговор по «Делу о пропаганде в Империи», а затем, 5 февраля, Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова.

Естественно, оправдательный приговор в отношении В. Засулич нанес огромный удар по министру юстиции К. И. Палену. Тогда, пытаясь избежать отставки, он сделал ход на опережение.

К. И. Пален 5 апреля 1878 года внес на рассмотрение Государственного совета представление «Об изменении подсудности дел о преступлениях, предусмотренных ст. 263–271 и 393 Уложения о наказаниях (издание 1866 года), а также наиболее тяжких преступлений против должностных лиц». Суть данного документа сводилась к тому, что любые дела, связанные с убийством чиновников, неповиновением им, оскорблением их, должны были быть переданы из подсудности окружных судов в особое присутствие судебных палат. Главной целью данного представления являлось создание условий, чтобы результат не мог быть таким же, как на процессе Веры Засулич, т. е. подобного рода дела больше не могли рассматриваться присяжными заседателями и они переходили к высшим представителям судейского сообщества.

Шестого апреля того же года К. И. Пален внес в Государственный совет еще одно представление об изменении статей закона от 7 июня 1872 года, определяющих порядок производства дел по государственным преступлениям. Удивительным было то, что проект того закона был шестью годами ранее предложен самим министром юстиции. К. И. Пален объяснял это тем, что если подобные дела будут рассматриваться на высшем уровне, то к ним иначе будут относиться не только российские подданные, но и представители Западной Европы. Кроме того, он заявлял, что практика показала многие недочеты

закона 1872 года. В частности, серьезно замедляла такие процессы доставка подсудимых в Санкт-Петербург, что было к тому же еще и достаточно дорого. Длительные переезды способствовали тому, что обвиняемые общались друг с другом, а поэтому могли договориться о единой линии поведения на процессе. В результате дела о государственных преступлениях были возвращены в подсудность судебных палат [12, с. 392].

Однако данные шаги не спасли министра юстиции от отставки 30 мая 1878 года. Министерство же продолжило свою работу.

При министерстве юстиции 19 июля 1878 года была образована комиссия под руководством товарища министра юстиции Э. В. Фриша. Ее задачей было устранение затруднений в применении нормативно-правовых актов о производстве дел, связанных с государственными преступлениями, т. е. главным образом речь шла о пересмотре положений закона от 19 мая 1871 года.

Был проведен мониторинг, показавший, что подобные дела оказывались в суде не раньше 4,5 месяцев и не позже двух лет. На разбирательство по делу уходило от года до двух лет. Кроме того, оказалось, что дознание практически ничем не отличалось от следствия. В результате комиссия пришла к выводу: предварительное следствие должно начинаться сразу после совершения преступления, независимо от жандармского дознания [12, с. 394].

По указу Александра III 24 июня 1881 года при министерстве юстиции была учреждена еще одна комиссия под председательством Э. В. Фриша. В этой комиссии было заметным противостояние В. К. Плеве, который 15 апреля стал директором департамента полиции, и Н. В. Муравьева, возглавившего обвинение в процессе по убийству Александра II в Особом присутствии Правительствующего сената. Усилилось и противостояние министерства юстиции с корпусом жандармов.

Результатом работы данной комиссии стала разработка второй книги Устава уголовного судопроизводства о порядке расследования и рассмотрения дел о государственных преступлениях. Устав был внесен в Государственный совет министром юстиции Д. Н. Набоковым, получил одобрение, но далее Александр III предложил его пересмотреть вместе с А. Д. Толстым, недавно назначенным министром внутренних дел. Однако такой пересмотр так и не состоялся.

Нарастание охранительных тенденций отразилось и на отношении министерства юстиции к суду присяжных заседателей. Так, ставший 6 ноября 1885 года министром юстиции Н. А. Манассеин, который во многом был обязан своей карьерой К. П. Победоносцеву и разделял его консервативные взгляды, предлагал изъять у суда присяжных дела не только по государственным преступлениям, но и против порядка управления. Так, законом от 18 декабря 1885 года присяжным запрещалось рассматривать дела о нарушении паспортного устава, поскольку по ним очень часто выносились оправдательные вердикты. Дальше данный процесс только прогрессировал.

Логичным в этом ряду охранительных мероприятий стало Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 20 мая 1885 года, внесенное

на рассмотрение министром юстиции. Согласно этому документу, происходило ужесточение дисциплинарной ответственности судей, которая могла выражаться как в выговоре, так и в вычетах из жалования [7]. Кроме того, было учреждено Высочайшее дисциплинарное присутствие Сената, чьи решения не подлежали обжалованию.

При подготовке мнения министерство юстиции использовало несколько технических приемов для ущемления прав судей. В частности, увеличивалось количество оснований для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, но, самое главное, что их формулировки были настолько размытыми и неопределенными, что могли на практике использоваться достаточно произвольно. В документе отсутствовало закрепление гарантий прав судьи, в отношении которого осуществлялось дисциплинарное преследование. В то же время министр юстиции теперь получил не только фактическое, но и формальное право осуществлять контроль за деятельностью судей, а также по собственному усмотрению инициировать привлечение их к дисциплинарной ответственности.

Характеризуя мнение Государственного совета от 20 мая 1885 года, канадский исследователь П. Соломон отмечает, что оно, помимо сужения юрисдикции обычных судов, способствовало тому, чтобы царские чиновники «держали судей в строю». Министру юстиции было предоставлено право требовать от судей объяснения любых их действий, а также давать указания о решениях в завершенных или процедурных делах в будущем. Данный нормативно-правовой акт расширял основания для отстранения судей от процесса и допускал перевод судей из одной коллегии или суда в другие по решению министерства [15, p. 264–265].

В думский период министерство юстиции обвинялось депутатами в отказе от принципа несменяемости судей и ставшему 24 апреля 1906 года министром юстиции И. Г. Щегловитову пришлось отбиваться от этих упреков.

Как ни странно, но охранительная тенденция проявилась и в том, что министерство юстиции обобщало материалы, полученные Высочайше утвержденной комиссией по преобразованию волостных судов [8, с. 12]. Упор делался на сохранение крестьянских обычаев, многие из которых получали статус правовых через судебные решения. Это способствовало явлению, о котором много писали российские юристы второй половины XIX века: действие Свода законов Российской империи распространялось не более чем на 13–17 % населения, тогда как основную его часть составляло крестьянство, которое жило в соответствии с обычаями, сложившимися в их местности.

В отношении волостных судов охранительная позиция министерства юстиции проявлялась и в том, что министерство практически сводило на нет стремление земств каким-либо образом решить проблемы с финансированием волостных судов. Так, в 1878 году в двух министерствах — юстиции и внутренних дел — рассматривалось ходатайство саратовского губернатора. Он просил разрешить одному из уездных судов выплачивать вознаграждение волостным судьям, решения которых будут признаны наиболее основательными. Реакция

министра юстиции К. И. Палена была резко отрицательной, и это начинание земств так и не было реализовано[2].

Постепенно влияние министерства юстиции на реформирование судебной сферы снижалось, а других министерств — возрастало. Например, когда 7 апреля 1894 года была создана Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части, проработавшая до 1899 года, одной из ее задач было разграничение функций ведомств министерства юстиции и министерства внутренних дел в данной области [10, с. 141].

Роль министерства юстиции в ликвидации мировой юстиции была достаточно противоречивой. С одной стороны, как надзорный орган над мировыми судами министерство постоянно критиковало их деятельность. С другой стороны, в отчете министерства юстиции за 1887 год работа мировых судей признавалась вполне удовлетворительной [3, с. 74].

Однако были в деятельности министерства юстиции в то время и положительные тенденции, предопределившие дальнейший ход Судебной реформы, пусть даже с имеющимися изъятиями и отступлениями. Так, министр юстиции всячески помогал и продвигал по службе молодого А. Ф. Кони, считая, что за ним — будущее российской юриспруденции. В конце 1877 года А. Ф. Кони был назначен вице-директором департамента министерства юстиции, получив тем самым опыт работы в органе исполнительной власти [13, с. 175]. Только потом он был назначен председателем Санкт-Петербургского окружного суда.

Интересно, что летом 1906 года, когда шло формирование правительства П. А. Столыпина, А. Ф. Кони был предложен пост министра юстиции. Премьер-министр заявил, что согласен на любые условия, и в течение трех дней настойчиво вел переговоры. Однако взвесив все за и против, известный российский юрист отказался, указав в качестве причины состояние здоровья.

В 1880–1890-е годы достаточно сложными были вопросы взаимодействия министерства юстиции с Правительствующим сенатом. Уже упоминавшийся канадский исследователь П. Соломон так описывает эти отношения. Апелляции могли привести к конфликтам в Первом департаменте Сената, который оставался административным органом, хотя министр юстиции Д. Н. Замятнин еще в 1865 году попытался сделать его официальным местом расширенного судебного пересмотра административных актов. Сенаторы действительно работали так, как будто они были судьями (несмотря на то, что не имели пожизненного срока пребывания в должности), и пытались держать правительственных чиновников в узде, разрешая обжалование решений губернаторов. В 1897 году Н. В. Муравьев, который был министром юстиции с 1894 по 1905 год, безуспешно пытался переломить ситуацию. Но только в межреволюционный

[2] Щедрина Ю. В. Обеспечение независимости судей волостных судов в России в 60-е – 80-е гг. XIX в.: правовое регулирование и практика реализации [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 2. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/333 (дата обращения: 02.12.2020).

период 1907–1917 годов политические партии центра и правой части спектра смогли добиться реформы административной юстиции [15, p. 265].

Дискуссионным остается вопрос, являлась ли деятельность министерства юстиции в данный период контрреформой или корректировкой курса в связи с высветившимися в период проведения реформы нестыковками, коллизиями, пробелами и проявившимся массовым недовольством. Если придерживаться первой точки зрения, то трудно определить начало контрреформы — с постепенного отступления от части положений Судебных уставов 1864 года еще при Александре II или уже при Александре III — с издания знаменитого положения Комитета министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», утвержденного императором 14 августа 1881 года [6].

Одним из важных факторов, определявших деятельность министерства юстиции в период нарастания охранительных государственно-правовых тенденций, являлась значительная продолжительность судебной реформы, когда на определенном этапе большинство членов общества уже не знали, продолжилась реформа или она уже закончилась. Приблизительно так же произошло с Судебной реформой 1864 года. Нормативно-правовой документ, изданный в 1899 году и провозгласивший ее окончание, даже не вошел в Полное собрание законов Российской империи, что свидетельствовало о его небольшой значимости.

Однако в любом случае Судебная реформа 1864 года является одной из наиболее успешных реформ в истории Российского государства, поскольку, во-первых, произошло отделение судебной власти от администрации; во-вторых, в российском судопроизводстве начали развиваться демократические принципы, которые представляют ценность до сих пор и реализуются в современной судебной системе — равенство всех перед законом, гласность, устность и т. д.; в-третьих, многие институты, созданные благодаря Судебным уставам 1864 года, не были уничтожены, несмотря на изменившиеся политические условия и правительственные установки. Как показал пример А. Ф. Кони, министерство юстиции по-прежнему отслеживало наиболее перспективных молодых юристов и давало им дорогу в судебную систему.

Таким образом, на примере деятельности министерства юстиции в период проведения в 1864–1899 годах Судебной реформы можно рассмотреть условия эффективности правового регулирования.

Во-первых, для измерения степени эффективности правового регулирования должны проводиться мониторинги, как предварительные, так и последующие.

Во-вторых, путем издания подзаконных актов могут быть уточнены и даже скорректированы многие законодательные положения, вводящие новые, не всегда апробированные нормы.

В-третьих, на эффективность правового регулирования влияет наличие подготовленных юридических кадров, которые могут успешно воплотить правовые идеи на практике.

В-четвертых, в период проведения реформ не столь важно, вводится ли новая правовая норма сразу на территории всей страны; главное, чтобы она стала действующей в полном объеме.

Литература

1. Верещагина А. В. О роли Министерства юстиции Российской империи в реформировании уголовной юстиции в соответствии с Судебными уставами // Право и политика. 2015. № 6. С. 864–873.

2. Временные правила о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями / составил с разрешения г. министра юстиции, член консультации при Министерстве юстиции М. П. Домерщиков. Издание неофициальное. СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1897. 82 с.

3. Всеподданейший отчет министерства юстиции за 1886–1887 г. СПб., 1889. 123 с.

4. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 23 апреля 1874 г. «Об увеличении окладов содержания участковым мировым судьям в девяти Западных губерниях и установлении для сего особых, в этих губерниях, судебных сборов» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1876. Т. XLIX. Отделение I. № 53420.

5. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 4 июня 1874 г. «О наказаниях за составление противозаконных обществ и участие в оных» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1876. Т. XLIX. Отделение I. № 55606.

6. Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1885. Т. I. № 350.

7. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета от 20 мая 1885 г. «О порядке издания Общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1887. Т. 5. № 2959.

8. Земцов Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е – 80-е гг. XIX в.): автореф. дис. … канд. истор. наук. Липецк, 2004. 36 с.

9. Лонская С. В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2016. 366 с.

10. Терентьев Р. В. Правительственные законопроекты по реформированию местного судопроизводства в России в конце XIX – начале XX веков // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2001. С. 140–146.

11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. Н. С. Таганцев. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1876. 726 с.

12. Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.

13. Шахрай С. М., Краковский К. П. Юристы и Революция: Pro et Contra. М.: Кучково поле, 2017. 552 с.

14. Яшин А. Н. Роль Д. Н. Замятнина в развитии философии русского правосудия второй половины XIX века // Проблемы взаимодействия науки и общества: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Уфа: Аэтерна, 2018. С. 94–99.

15. Solomon P. H., Jr. Judicial power in authoritarian states: The Russian experience // Rule by Law: The Politics of Courts in Authoritarian Regimes. Cambridge, 2008. 1 January. P. 261–282.

Literatura

1. Vereshhagina A. V. O roli Ministerstva yusticii Rossijskoj imperii v reformirovanii ugolovnoj yusticii v sootvetstvii s Sudebny`mi ustavami // Pravo i politika. 2015. № 6. S. 864–873.

2. Vremenny`e pravila o primenenii sudebny`x ustavov v guberniyax i oblastyax Sibiri, s zakonodatel`ny`mi motivami i raz``yasneniyami / sostavil s razresheniya g. ministra yusticii, chlen konsul`tacii pri Ministerstve yusticii M. P. Domershhikov. Izdanie neoficial`noe. SPb.: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Marty`nova, 1897. 82 s.

3. Vsepoddanejshij otchet ministerstva yusticii za 1886–1887 g. SPb., 1889. 123 s.

4. Vy`sochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 23 aprelya 1874 g. «Ob uvelichenii okladov soderzhaniya uchastkovy`m mirovy`m sud`yam v devyati Zapadny`x guberniyax i ustanovlenii dlya sego osoby`x, v e`tix guberniyax, sudebny`x sborov» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1876. T. XLIX. Otdelenie I. № 53420.

5. Vy`sochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 4 iyunya 1874 g. «O nakazaniyax za sostavlenie protivozakonny`x obshhestv i uchastie v ony`x» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb., 1876. T. XLIX. Otdelenie I. № 55606.

6. Vy`sochajshe utverzhdennoe Polozhenie o merax k oxraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obshhestvennogo spokojstviya ot 14 avgusta 1881 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III. SPb., 1885. T. I. № 350.

7. Vy`sochajshe utverzhdennoe Mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 20 maya 1885 g. «O poryadke izdaniya Obshhego nakaza sudebny`m ustanovleniyam i o disciplinarnoj otvetstvennosti chinov sudebnogo vedomstva» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III. SPb., 1887. T. 5. № 2959.

8. Zemczov L. I. Pravovy`e osnovy` i organizaciya deyatel`nosti volostny`x sudov v poreformennoj Rossii (60-e – 80-e gg. XIX v.): avtoref. dis. … kand. istor. nauk. Lipeczk, 2004. 36 s.

9. Lonskaya S. V. Institut mirovoj yusticii v Rossii: istoriko-teoreticheskoe pravovoe issledovanie: dis. … d-ra yurid. nauk. SPb., 2016. 366 s.

10. Terent`ev R. V. Pravitel`stvenny`e zakonoproekty` po reformirovaniyu mestnogo sudoproizvodstva v Rossii v konce XIX – nachale XX vekov // Ucheny`e zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2001. S. 140–146.

11. Ulozhenie o nakazaniyax ugolovny`x i ispravitel`ny`x 1866 goda: s dopolneniyami po 1 yanv. 1876 g. / sost. N. S. Tagancev. SPb.: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1876. 726 s.

12. Shaxraj S. M., Krakovskij K. P. Sud skory`j, pravy`j, milostivy`j i ravny`j dlya vsex: K 150-letiyu Sudebnoj reformy` v Rossii. M.: Kuchkovo pole, 2014. 536 s.

13. Shaxraj S. M., Krakovskij K. P. Yuristy` i Revolyuciya: Pro et Contra. M.: Kuchkovo pole, 2017. 552 s.

14. Yashin A. N. Rol` D. N. Zamyatnina v razvitii filosofii russkogo pravosudiya vtoroj poloviny` XIX veka // Problemy` vzaimodejstviya nauki i obshhestva: sb. statej Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ufa: Ae`terna, 2018. S. 94–99.

15. Solomon P. H., Jr. Judicial power in authoritarian states: The Russian experience // Rule by Law: The Politics of Courts in Authoritarian Regimes. Cambridge, 2008. 1 January. P. 261–282.

A. A. Dorskaya,
A. Yu. Dorskiy

The Problem of the Legal Regulation Effectiveness during the Period of the Judicial Reform of 1864 (on the Example of the Ministry of Justice Activities)

The article analyzes the activities of the Ministry of Justice of the Russian Empire in 1864–1899, aimed at increasing the efficiency of legal regulation of relations in the judicial sphere. It is shown how many issues of organizing judicial activity were resolved through the publication of by-laws.

Keywords: efficiency of legal regulation; Judicial reform; Ministry of Justice; by-laws; legal personnel.